

НЕ БУДТЕ Гаурдака

ВЫ НЕ ЖДАЛИ НАС...

1

Светлана Багдерина

Еженедельный прием населения Лукоморья по личным вопросам подходил к концу, когда в зал аудиенций вошел тот, кого царь Василий ждал и хотел увидеть меньше всего. На следующий день царский дворец был поднят по тревоге: ночью, а может, вечером, хотя, не исключено, что и днем, нелогично, таинственно и внезапно пропал младший брат царя, Иванушка. Красна душа-девица царевна Серафима, супруга потерявшегося Ивана, и Масдай, старый ворчливый ковер-самолет, стряхнув назойливых придворных и нафталин, срочно вылетают на поиски. Предстоит ли им спасти Белый Свет или снова стать посмешищем Пяти Родов — наследников Выживших, изгнавших тысячу лет назад полубога-полудемона Гаурдака из их мира?

Светлана Багдерина

Вы не ждали нас...

Царь всея Лукоморья Василий Двенадцатый перевел дух, сдвинул съехавшую на затылок шапку Любомудра Сообразительного на протоколом предназначенное место, и устало покосился на колоннообразные песочные часы.

Еженедельный прием верноподданных по личным вопросам длился уже седьмой час.

Монарх окинул утомленным взглядом тяжелый бархан в нижней половине колбы и тающую на глазах пригоршню в верхней части, и почти умоляюще уставился на самого старого и самого старшего писаря Евсейку,¹ повисшего в изнеможении на церемониальном посохе всей своей сорокакилограммовой массой.

— Всё?..

Тот пожал плечами и неспешно поковылял к дверям, ведущим в приемную. Выглянув за любезно приоткрытую дружинником створку, писарь нежно прикрыл дверь, устремил на царя полный скорби и предчувствий взор и покачал

---

¹ До «Евсея» ему не хватало килограммов шестидесяти. До «Евсея Никандровича» — еще столько же.

головой с таким горестным видом, словно там сидело еще не менее половины населения столицы.

— Сколько?.. — с тоской выдохнул Василий.

— Один, — обреченно доложил Евсейка.

— Так проси, чего же ты!.. — воспрянул духом царь, забыв прочитать между строк написанное на писарской физиономии ожидание бури, землетрясения, цунами и мирового пожара в одном отдельно взятом месте и в одно, слишком хорошо ему известное, время.

Писарь втянул голову в плечи и покорно кивнул младшему писарчуку-стенографисту.

Тот выложил на столик чистый лист бумаги, обмакнул перо в чернила и застыл в позе ожидания и готовности.

— Последний проситель! — распахнул двери Евсейка, как ухнул с головой в тихий омут со всеми его обитателями ...

* * *

Край апрельского неба за окном стал акварельно-прозрачным, потом вспыхнул, радостно залился всеми цветами праздничной радуги, но скоро, словно утомившись от буйства красок, настоянных на пьянящем весеннем воздухе, стал неспешно синеть, растекаясь густыми чернилами сначала по самой кромке на востоке, потом всё

дальше и больше, и шире...

Во дворце, в покоях, комнатах и каморках зажглись лампы, свечи и лучины — в зависимости от благосостояния готовящегося ко сну люда — а Ивана всё не было.

Серафима, царица Лукоморская и Лесогорская вздохнула, моргнула, убедилась, что дальше без усилий могла продолжать чтение только кошка, и отложила книгу на подушку.

Интересно, что проще: зажечь канделябр или и впрямь отыскать в ларце на туалетном столике кольцо-кошку? И можно ли с ним будет читать? Конечно, проще всего было бы заставить проделать одно или другое Ивана, но где ее разлюбезный муженек бродит в такой час, было вопросом третьим.²

Сенька откинулась на подушку и закрыла глаза.

Хорошая вещь — апрель, но ветреная, непредсказуемо-мокрая и внезапно-прохладная. Всего-то и покатались верхом часов шесть,

---

² Любой царской дочке на ее месте первой и единственной пришедшей в таком положении в голову мыслью было бы позвать горничную. Но царица Лукоморская и Лесогорская любой царской дочкой никогда не была, и сейчас быть ей начинать не собиралась. А применение горничных в каких бы то ни было ситуациях она вообще считала неспортивным.

помокли маленько, проветрились после этого, потом даже на солнышке погрелись, и на тебе... воспаление пневмонии, или как там обозвал ее внезапную хворь придворный знахарь, тут как тут, словно кто его в гости просил.

Хотя болеть, в некотором отношении, тоже приятно, признала по зрелом размышлении царевна, особенно когда всякие хрипы-сипы и жар уже идут на убыль, а на сострадательном сочувствии окружающих это еще не отразилось. Все вокруг тебя бегают, персики фаршированные кивями на серебряном подносе под нос подносят, мороженое подогретое, бананы в шоколаде...

Кстати, о бананах.

Сенька приподнялась и окинула цепким взглядом окрестные серебряные подносы.

Ну, естественно. Все пустые. И будто так и надо!.. А если она вот сейчас, вот в этот самый момент, лежит на холодной постели одна и тихо умирает от полного отсутствия не только бананов в шоколаде, но и просто шоколада и бананов по отдельности? И никому до угасающей молодой жизни и дела нет!..³ Ходит неизвестно где, а родная жена с одра болезни хоть сама на кухню за

---

³ Естественно, под обтекаемым «никому» имелось в виду вполне конкретное «кое-кому».

бананами не бегай в потемках! Да что бананы — тут корки сухой не отыщешь!..

Но не успела царица окончательно решить, начать ли ей жалеть себя или сердиться на мужа, как дверь, тихо скрипнув, отворилась, и в опочивальню, словно одомашненное солнышко, с букетом зажженных ламп в руках вошла рыжеволосая горничная Дуньша в желтом сарафане.

— Ох, звиняйте, вашвысочество, припозднилась! — с виновато-расстроенным видом круглолицая девушка торопливо начала расставлять лампы по местам: две, как всегда, на стол, по одной на прикроватные тумбочки, у зеркала две, а остальные — куда фантазия подскажет. — Я ж светильники ваши чистить забирала, всё вовремя управлялась, потом каменным маслом их заправлять пошла, а запасы кончились, так пока Артемка сбегал на склад, пока из бочки его накачали... А вечер уж тут как тут... Подушки дозволейте поправить, ваше высочество...

— Да ладно, ставь, ставь, сама я... — буркнула Сенька, приподнялась на одном локте и попыталась другой рукой нащупать и взбить подушку, придавленную спиной и сплюсненную, как камбала китом.

— Нет уж, вашвысочество, мне дозволейте, — расселила светильники по местам и кинулась на

помощь заботливая горничная. — Вы болестуете, вам покой нужен и удобство.

— И хорошее питание, — ни на что не намекая, глядя чистым бесхитростным взором в потолок, царевна расширила список потребностей больного человека.

— Малашка с кухонными девушками сейчас вечерять вам принесут, — услужливо сообщила Дуньша и атаковала подушки с таким рвением, словно имела против них что-то личное. — Вы ж сами сказали... чтобы раньше десяти не подавали... потому что после вашего отвара простудного... вечернего... два часа пройти должно...

— Ну, сказала... но могли бы в кои-то веки и послушаться... — Серафима блаженно откинулась на пышные, как облака, подушки и прикрыла глаза. — Спасибо.

— С нашим удовольствием, — с готовностью отозвалась девушка.

— Слушай, Дунь, — пришла в голову царевне мысль. — Тебе Иван мой нигде не попадался?

— Иван-царевич?.. — застыла в глубокомысленном созерцании прошедшего дня Дуньша. — Попадались, конечно... Сегодня утром я их в калидоре на первом этаже видала, с батюшкой евойным оне разговаривали... Потом в обед — с кучей книжек в руках, в бильбиотеку шли, не иначе...

— Нет, после обеда, я имею в виду.

— После обеда?..

Медитация повторилась.

— После обеда не видала, — пришла к выводу и с сожалением покачала головой девушка.

— Ну ладно, спасибо тебе, ступай, отдыхай, — отпустила горничную Сенька, заслышав за дверями приближение обещанной и долгожданной процессии из кухни.

Вдогонку она хотела было крикнуть, что ежели встретит Дуньша младшего царевича, то может намекнуть, что одна дама уже замучалась его ждать. Но потом решила, что дама эта ему самостоятельно всё расскажет при личной встрече, гораздо более содержательно, чем могла бы это сделать почтительная горничная, и сосредоточила внимание на осторожно вplyвавшем в комнату караване поварят, груженных подносами, накрытыми серебряными колпаками.

После ужина Серафима пришла к выводу, что жизнь стала налаживаться и, если бы не одно «но», даже была бы опасно близка к полному совершенству. Но это единственное недостающее «но» появляться в родных покоях упорно не желало.

И Сенька, снова отложив книжку, принялась недовольно гадать, куда мог ее любимый на ночь глядя так надежно потеряться. Засиделся в

библиотеке? На семейном военно-политическом совете? Уехал к князю Грановитому играть в шахматы? Подал на развод?

Не смешно.

Время, судя по цвету неба, вернее, по полному его отсутствию, не меньше десяти, а милого супруга — ни в одном глазу. Может, что-то случилось? Что никто не удосужился рассказать ей?

Царевна нахмурилась и села в кровати. Интересно, если сейчас она оденется и отправится на поиски бесследно пропавшего четыре часа назад мужа, это будет выглядеть глупо или очень глупо?

Она представила, как ходит по дворцу, заглядывая во все палаты, комнаты, горницы и каморки, расталкивая и спрашивая недоумевающий сонный народ, не видали ли они Ивана, а где-то вслед за ней, встревоженный и озадаченный, ходит Иван и повторно расталкивает и спрашивает тех же самых людей, не проходила ли здесь его исчезнувшая таинственным образом на ночь глядя прямо из покоев жена... и снова спряталась под одеяло.

В конце концов, ее муж — взрослый человек... и вполне может пропадать по четыре часа подряд без объяснения причин... по крайней мере, он так думает... и будет думать, пока не вернется... Да и если разобраться, что с ним... нет, скажем так, что *даже* с ним может случиться в

родном дворце среди бела дня... сера вечера... черной ночи... когда кругом полно всяких бояр, придворных, прислуги, стражи и разных прочих приживалок, которые только и ждут хоть какого-нибудь чиха от царской семьи, чтобы наперебой сказать «будьте здоровы» или вытереть им нос? Да если даже он и задержался у Граненыча, что с того. Кажется, такое обилие внимания к моей нездоровой персоне дурно отразилось на характере. Если в течение десяти минут вокруг меня никто не суетится, не пытается накормить, измерить температуру или поправить подушки, я чувствую себя покинутой... Кошмар. Я становлюсь мнительной, как эта... жена Василия... Елена Прекрасная...

Еще немного — и начну... начну...

Это...

Спать...

К неуверенному Сенькиному удивлению, исподтишка перебиваемому гнусеньким злорадным «я так и думала», с наступлением утра милого в спальне не обнаружилось. Но не успела она сему факту возмутиться, удивиться или проявить еще какую-либо реакцию, как дверь гостиной слегка скрипнула, и по ковровой дорожке, ведущей к спальне, глухо зазвучали тяжелые, но осторожные шаги.

Серафима, не отрывая глаз от двери,

нащупала и подняла с подушки фолиант и прицелилась.

В косяк постучали.

— Кто там? — разочарованно опустил на одеяло несостоявшийся снаряд.

— Это я, Димыч, — раздался голос среднего брата Ивана. — Сима, лапа, окажи с утра пораньше деверю любезность: пни супруга в левый бок, он, сурок, уже полчаса как на смотр на плац опаздывает.

Сердце Сенька екнуло и пропустило такт.

— Дим, войди, пожалуйста, — спокойно, словно ничего не произошло, позвала его Серафима. — На поговорить по-быстрому.

— А... ничего, что я так?.. без фанфар? — засмутился вдруг Дмитрий-царевич.

— Входи-входи, — натянула она одеяло до подбородка.

Через пару минут Иванов брат, недоуменно хмуясь и пожимая плечами, вышел. Царевна же, растеряв остатки сна, смахнула одеяло... и была перехвачена сначала дядькой Елизаром — ее лечащим знахарем, потом Дуньшей с отрядом сенных девушек и с туалетными принадлежностями наперевес, а после — кухонной командой с завтраком.

Едва дождавшись, пока дверь спальни захлопнется за последним поваренком, Сенька

выпрыгнула из кровати и принялась торопливо одеваться. С непривычки от резких движений и вертикального положения заполошно кружилась голова и бросало из стороны в сторону, но это было терпимо и, если верить дядьке Елизару и собственному опыту, скоро⁴ должно было пройти.

Платяной шкаф в дальнем углу комнаты распахнулся, и царевнина рука с сомнением зависла между рядами придворных нарядов, при надевании требующих ассистирования роты горничных, и старыми добрыми штанами и рубахой в углу, ввергающими одним своим видом эту самую роту в предынфарктное состояние.

Выбор был сделан в одно мгновение, и еще через несколько минут полностью готовая к самым коварным поворотам судьбы царевна уже вовсю рылась в объемистом малахитовом ларце, лихорадочно перетряхивая побрякушки и сувенирчики, скопившиеся за почти полгода их с Иваном странствий по Белому Свету.

Не то, не то, не то, не то...

Кольцо-кошка попробовало укатиться, но было перехвачено и мгновенно насажено на палец

---

⁴ В пределах недели. Воспаление пневмонии, как гласил официальный диагноз, поставленный Елизаром — серьезное заболевание.

— некогда возиться...

Не то, не то, снова не то...

Окончательно растерявший лечебную силу перстень старого Ханса тускло блеснул древним серебром, был привычно-безнадежно примерен на два пальца⁵ и отложен направо, в быстро растущую кучу ненужных предметов.

Не то, не то...

Вот.

Приспособа, сделанная прошлым летом специально для подобных ситуаций ее троюродной бабушкой Ярославной, называемой отдельными малообразованными суеверными личностями «бабой-ягой».

«Иваноискатель».

На спице ствола молодого деревца толщиной сантиметра полтора сучком с вилкой на конце закреплялась неподвижно каплеобразная стрелка из сосновой коры. Но стоило только сучок слегка потянуть, как стрелка приходила в движение и, покрутившись несколько секунд, словно шустрая гончая, острым концом указывала в сторону текущего местонахождения ее единственного и неповторимого.

---

⁵ Оказался слегка мал. А на один палец — велик. Нет в жизни гармонии.

Опробовано и одобрено многократно. Радиус действия — несколько километров, в нашем случае — в пределах города. Точность... Ну уж мимо собственного-то мужа она не пройдет.

И довольная премного собой и своей сообразительностью Серафима освободила стрелку.

Не произошло ничего.

Не веря своим глазам, она потрясла приборчик, покрутила вокруг всех возможных осей, потом снова зафиксировала забастовавший кусок коры и снова освободила...

Ничего.

Обиженно хмурясь, царица выпятила нижнюю губу и повертела иваноискатель, придирчиво выискивая причину неисправности. Ведь даже если стрелку потерять, сучок сломать, а спил намочить, то после восстановления конфигурации — проверено в полевых условиях! — устройство продолжало работать!..

В чем же дело?

Неужели...

Не может быть!

Как он смел!..

Без меня!..

Один!..

И куда?

А если всё-таки с ним что-нибудь случилось?

Эта простая мысль словно окатила

раскипятившуюся было Сеньку ведром холодной воды.

Если произошло что-то неожиданное, срочное, отчего он был вынужден спешно покинуть город?..

Настолько спешно, что не взял ни меча, ни кафтана, и никому^б не сказал ни слова?..

Но почему же иначе Ярославнина штуковина на него не реагирует?

Ведь не может же быть, чтобы он... чтобы его...

Дура. Конечно же, он жив. И нуждается в моей помощи.

Сборы были короткими: торопливо завершить одевание по сезону, поспешно нагрести денег из секретера в карманы и кошельки, проворно отыскать и прицепить на место меч и колчан, стремительно чиркнуть пару слов всем заинтересованным ее отсутствием лицам — и опрометью выскочить в гостиную.

— Эй, подъем, засоня, уже два месяца как весна на улице! — Сенька вцепилась в свисающие со шкафа роскошные шерстяные кисти цвета кофе с молоком, изо всех сил дернула на себя и ловко отпрыгнула в сторону.

---

^б Кому это — «никому» — наверное, пояснять не надо.

В следующее мгновение на то место, где она только что стояла, с антресолей обрушился Масдай.

— И что это, по-твоему, ты такое творишь?! — безмолвные еще минуту назад покои заполнил грохот переворачиваемой табуретки, опрокидываемой подставки, низвергающегося с нее каменного цветка, и возвышенный в сонном негодовании шершавый голос.

— Масдаюшка, лапушка, потом объясню, — бегло протараторила, царица, лихорадочно раздирая и растворяя еще запечатанное на зиму окно. — Иван пропал.

— Если ты с ним обращалась так же, как со мной, то не нахожу в этом ничего удивительного, — сухо прошелестел злопамятный шерстяной голос из глубин скатанного ковра.

— Если я найду его, и выяснится, что причиной его пропажи стала какая-нибудь ерунда, то он еще позавидует тебе, — сквозь зубы, но от всей души пообещала Серафима, закрепила створки рамы крючками на стенах, быстро раскатала свое воздушное судно на полу и кинула на него мешок с припасами.

— Что-то серьезное? — неохотно полюбопытствовал ковер.

Сенька бухнулась посередине, поджала ноги по-тамамски и взяла наизготовку иваноискатель.

— Серьезней некуда! Погнались, скорей!

— Мяту хоть стряхни... и моль дохлую... — всё еще недовольно, с легкой тенью обиды прошуршал ковер, сладко потянулся складками, сонно пожал ворсинками, томно расправил кисти и осторожно поднялся на метр от натертого мастикой узорчатого паркета.

— По дороге стряхну, — нетерпеливо отмахнулась Сенька. — Скорей давай, до городских стен — и по спирали вокруг. Будем круги нарезать, пока прибор на него не работает. Не мог он далекой уйти за вечер и ночь... надеюсь...

— Как скажешь, — пожал кистями Масдай, бережно приподнял края и плавно, будто орел, поймавший восходящие потоки, выскользнул в распахнутое окно.

Нарезание кругов продолжалось гораздо дольше, чем царевне того хотелось бы.

Прошло утро, протащился мимо полдень, исподволь подкрался вечер... Внизу проплывали, сначала чередуясь, а потом бесхитростно сливаясь в одну бесконечную полосу леса, деревни, поля и дороги. По дорогам проходили, не поднимая голов или отчаянно пялясь и тыкая пальцами в невозмутимо парящего Масдая, купцы из торговых обозов, крестьяне со своих телег, дружинники верховые и пешие и просто странники — калики перехожие. Юг сменялся востоком, север — западом, а тот снова югом — ничего нового в

географии за время ее поисков придумать не успели — а деревянный прибор оставался невозмутим и спокоен, словно забыв о своем назначении или вовсе утратив после зимовки в ларце главную и единственную функцию.

При мысли об этом Серафиме становилось не по себе.

— Нечистая тебя раздери... — отчаянно трясла она то и дело нехитрую деревянную конструкцию. — Ну, действуй же, действуй, действуй!.. Ищи!!!..

Но безразличная приспособа оставалась глуха к ругани, уговорам и мольбам, и первый день без Ивана плавно и безнадежно перетек во вторую ночь. Сенька надела бы кольцо-кошку и продолжила поиски и без помощи окончившего смену солнца и бессовестно прогуливающей работу луны, но с затянутого тучами неба стал капать мелкий дождик, грозящий вот-вот перейти в крупный ливень. Масдай взбунтовался, и пришлось сделать привал в первой попавшейся деревеньке.

Постоялого двора там не было — если посчитать, там и простых-то дворов было негусто — но ужин и место на полатах спустившейся с неба супруге наследника престола нашлось.

С первыми лучами отдохнувшего за ночь светила она расплатилась с гостеприимными